

27 января 1944 года была снята блокада Ленинграда. В Ярославле много блокадников. Дети в страшную зиму. 1941 – 1942 годов они были вывезены из родного города и, хотя прошло столько лет, никогда не забудут пережитого.

ПЕРВАЯ ПОТЕРЯ

Вера Филипповна Новинская (до замужества Тимофеева) из крестьянской семьи. Ее родина – Новгородская земля, которая позже частично стала Ленинградской областью.

– Дома были в нашем селе у всех двухэтажные, красивые, второй этаж высокий – я потом нигде таких не встречала. Семья большая, рабочих рук много, жили в достатке. Помню, как нас разоряли: пришла толпа людей, перерыли все, забрали. Что было, подчистую, оставив на пропитание мешок картошки.

Отец привез нас в Ленинград, куда чуть раньше уехали его два брата. Они помогли ему найти какую-то временную работу, затем он устроился на завод «Светлана».

Первое время было очень тяжело. В семье шестеро детей, жить негде. Отец с матерью написали Калинин. Они были убеждены в своей невиновности. И представьте себе, по распоряжению Калинина нам дали комнату на Ланском шоссе. Там, где после гибели Пушкина Наталья Николаевна начала свою новую жизнь с генералом Ланским.

Так Тимофеевы стали ленинградцами.

Вера прекрасно помнит первый день войны – ей было одиннадцать лет. Вместе с ребятами она бегала купаться. Накупалась вволю, возвращается, а во дворе толпа, гомон. На разные лады звучит одно слово – «война». Вспоминают недавнюю, финскую, которая, как тогда были все уверены, закончилась нашей быстрой и ошеломительной победой. Спорят, сколько продлится эта – не дольше трех месяцев или, в крайнем случае, полгода.

Будто в подтверждение город еще какое-то время продолжал жить обычной жизнью. Даже когда многие продукты стали продавать только по коммерческому цену, люди расценили это как неизбежные, но временные трудности. Поэтому, когда однажды отец пришел с работы и объявил, что их завод эвакуируют в Челябинск, можно уехать, а можно остаться, решающими стали слова мамы: «Куда мы с такой оравой!»

Старшему брату, 20-летнему Мише, еще до того пришла повестка, и он ушел на фронт, так что их оставалось пятеро: Вите 14 лет, Дусе – 13, Вере – 11, Кате – 9 и Настеньке – 6.

Школу отдали под госпиталь, и они теперь не учились. Отец приходил с завода сначала через день-два, потом раз в неделю, пайки становились все беднее, поэтому когда осенью объявили, что детей можно эвакуировать в Костромскую область, мама согласилась.

Но эшелон, в котором ехала Вера с братом и сестрами, дальше станции Нейя не пошел. Всех высадили, разместили в пустовавшем доме, сказали, что надо какое-то время переждать. Ленинград был рядом, почта работала нормально, и у детей тут же наладилась переписка с родными.

От Тимофеевых писала Вера. Она не хотела волновать маму, в ее письмах не было ни про дырявую крышу, ни про холод, ни про то, как хочется домой. «Все хорошо» – и только. Между тем многие следили доми отчаянные письма. Родители уехавших детей, конечно, общались друг с другом, и однажды перед Витей, Дусей, Ве-

«Ягодки вы мои»

рой, Катей и Настенькой предстала их мама.

Оглядевшись, она решила забрать их обратно в Ленинград. И никогда потом не смогла простить себе этого.

От довоенной жизни в семье оставалось несколько отрезков на платье. Дети росли на глазах, но теперь было не до одежды, и мама дала один Вите, чтобы он обменял его на рынке на что-нибудь съестное. Он принес плитку столярного

кие, которые, по ее словам, «жили по-разному».

Как-то они с Катей пришли из детского сада домой навесить маму. Вокруг все разобмелено, и все, что можно, – доски, бумага – сожжено в печках. Когда удавалось найти какое-то топливо, это становилось удачей. Заходит соседка: «Давай твоих детей. Я печку натопила».

– Мы с Катей пошли к ней и заснули в тепле. Просыпаемся

рала им вещи и на одной с ними машине поехала на Финляндский вокзал – провожать. Просила директора детдома, чтобы взяли и ее – в любом качестве. Все-таки четверо детей! Надеюсь до последнего. Но та не взяла.

День был мрачный, промозглый. Прежде чем начать погрузку в товарняк, к детям подвели новую воспитательницу: худощую женщину с черными подглазницами и черными зубами. Все смотрели на нее с ужасом, не говоря уже о малышах. Много времени спустя Вера узнала, что у той просто шатались зубы, и она мазала десны йодом или марганцовкой.

Рядом с Верой на нарах оказалась девочка лет шести, которую провожал отец. Она рвалась к нему, рыдала. Потом плакала всю дорогу.

Поезд довез до Ладоги. Погода стала проясняться. Когда вышли и детей начали распределять на группы, солнце уже светило вовсю. Все просили есть, им объясняли, что обед ждет на том берегу.

Подошла машина – вся разбитая, доски выломаны, фанерная крыша в дырах. Вера

картофелиной, каждая совала что-то, утирая глаза. Затем – в душевую. Вера думала, что умрет со стыда, когда какая-то женщина стала помогать ей стаскивать выпачканные штанишки, чулочки. «Ничего, девочка, ничего», – приговаривала та, осторожно обмывая ее тряпочкой. А Вера твердила одно: «Не трите, мне больно».

В изоляторе, куда сразу положили Веру, лечили травмами, принесенными, видимо, теми же деревенскими женщинами. Лежа у окна в чистой маленькой комнате, Вера слышала отдаленный гул и видела на небе зарево – нянечки говорили, что это бомбили Ярославль.

Силы возвращались постепенно, через какое-то время Вера уже возилась вместе с другими детьми на огороде. А потом их перевели в деревню Долгополово. «Сказка, а не деревня», – как она говорит до сих пор.

Бывшая барская усадьба, два пруда и овал, обсаженный старыми липами. А по овалу – деревенские дома. Тишина, красота, уют. Вера теперь быстро поправлялась. Только очень скучала по маме.

Фото Анны СОЛОВЬЕВОЙ.

клея – варево из него с некоторых пор стало вырывать в голодном городе многих.

Вера помнит, как брат кивнул ей на кастрюльку: поешь. Но то ли потому, что она всегда была брезгливая, то ли для нее с матерью и сестрами нашлась какая-то другая еда, но вышло так, что кисель из клея ел один Витя.

– Дело было в начале декабря, в квартире холод. Кровати были сдвинуты. Мы спали все вместе, так теплее, Витя посрединке. Утром встаем, будим его, а он мертвый.

Папу с завода уже не отпускали. Как же все обрадовались, когда однажды в конце декабря он все-таки пришел. Худой, слабый, папа сидел и слушал про Витю. А потом в ответ на мамыны расспросы рассказывал, как у них в цехе люди привязывают себя к станкам веревками и ремнями, чтобы не упасть, но завод все-таки работает.

– Маме трудно было ходить, и она попросила отца отоварить талоны. Через какое-то время заглянула соседка: «Мария, твой на снегу лежит». Мы вышли, а папа уже мертвый.

Мысли теперь сходились на одном – что бы поесть. Пока землю не сковало морозом и окончательно не замело снегом, собирали листья капусты на колхозных полях. Мимо шли военные колонны, иногда после них оставалась упавшая от истощения лошадь. Подкараулить такой момент считалось счастьем. Но Тимофеевым оно не выпало ни разу. Пока добредут, от лошади уже ничего нет.

Вышло распоряжение: всех детей до 13 лет принимать в детсады, где было организовано какое-никакое питание. Так в детском саду у Настеньки оказалась сначала Катя, потом Вера. С мамой осталась одна Дуся, которой к тому времени исполнилось 13 лет, и ей теперь полагалась иждивенческая карточка.

КТО ЕСТЬ КТО

Впрочем, вспоминает Вера Филипповна, люди в блокадном городе постепенно начали делиться не только на детей и взрослых, работающих и иждивенцев. Были голодные и та-

В. Ф. Новинская.

Ленинград, 1941 г. Архивный снимок.

утром, а валенок наших нет. Соседка их уже обменяла на несколько кусков хлеба. Пришлось нам с тех пор ходить в дерматиновых ботиночках. Вот когда мука моя началась! Ноги моментально превращались в ледышки. Выведут нас в детском саду погулять, а у меня одно на уме: зачем только нужны эти прогулки?

Вера уже еле ходила. Идти домой сил больше не было. Воспитатель – девушка лет восемнадцати – все время отгоняла своих подопечных от печурки: боялась, что они на нее упадут. И уговаривала: «А ну давайте попрыгаем!» Вера смотрела на нее и не могла понять, как это можно так высоко поднимать ноги. И вообще, как это странно, когда человек прыгает!

И все-таки хоть какую-то горячую баланду в детском саду давали. А дома-то как? Позже, уже после войны, она спрашивала Дусю, что же они с мамой ели? «Не помню», – отвечала та. – Чуть воду подогреем и хлебаем. Больше ничего не помню».

А у Веры Филипповны до сих пор перед глазами одна картина:

– Мы сидим в садике за столами, из заднего помещения в столовую входит дежурная воспитательница и несет поднос с довесочками хлеба. Я сижу так, что вижу ее на секунду раньше других. И вдруг смотрю – она берет один довесочек, прячет его за пазуху и только потом появляется перед всеми нами. Взрослой я часто думала: смогла бы я так же? И до сих пор не знаю.

ПРОЩАЙ, МАМА

В апреле 1942 года объявили, что их садик, названный к тому времени детским домом, будет эвакуировать. Вере велели сходить домой и спросить согласия мамы. Кое-как, но все-таки добралась. «Конечно, поезжайте. Хоть вы, деточки, останетесь живы», – ответила та.

Вместе с сестрами взяли в эвакуацию и Дусю. Мама соб-

поймала обрывок разговора: недавно из-под бомбежки. Ехали по льду, поверх которого плескалась вода. Брызги заливали ноги, одежду. Было очень холодно и очень страшно, но все молчали.

На том берегу их встретили зеленая лужайка, солнце и собака, виляющая хвостом. Собака была чудом, невиданным с самого начала блокады: в Ленинграде всех четвероногих давно съели. «Собака, собака!» – закричала Вера.

А потом был обед – первое, второе, но Вера запомнила только хлеб. Огромный, как ей показалось, кусок ноздреватого ситного.

Дальше – снова поезд и дорога на Ярославль. Рядом оказалась та же маленькая девочка, которая все время плакала. Через месяц в детдоме она умерла.

А у Веры в дороге начался сильнейший понос. Она очень стеснялась, происшедшее казалось ей страшнее всего, что она пережила до сих пор, даже страшнее голода. В Петровске детей высадили, и какое-то расстояние надо было пройти пешком – о том, что с ней происходило, она и сейчас вспоминает с ужасом.

Встречать маленьких блокадников вышли деревенские женщины: кто с хлебом, кто с

– Провожая, она обещала: «Я к вам скоро приеду, ягодки мои». Каждый день я выходила на дорогу, по которой нас туда привезли, и смотрела, не едет ли мама.

Случай, который произошел с ней однажды, Вера Филипповна до сих пор объяснить не может.

– Я была дежурной по группе. После ужина все разошлись, легли спать, а я дежурная, должна была еще навести какой-то порядок. За окном темно. Слышу, на улице кто-то зовет: «Вера!» Голос похож на мамин, но ведь ночь, откуда? Продолжаю уборку и снова: «Вера!» Выглянуть побоялась – темно. Но когда в третий раз услышала, уже не выдержала, выбежала на улицу – никого.

На следующее утро рассказала обо всем сестрам. А через три-четыре дня пришло письмо из Ленинграда от соседки: «3 мая умерла ваша мама».

Вера Филипповна замолкает и продолжает после паузы:

– В то время Бог был запрещен. А в душе ему все равно молились, может быть, и не зная этого. У нас и в детском доме, и в школе тоже говорили о Боге – не вслух, а потихоньку, один на один. У меня была деревенская подружка Тася, которая убеждала, что Бог

есть, а я, городская атеистка, доказывала, что его нет. И вот после этого случая я стала верить Тасе.

СГОРЕВШИЕ ФОТОГРАФИИ

В Долгополове Дуся пошла в 6-й класс, Вера в 4-й, Катя во второй, Настенька на следующий год тоже должна была пойти в школу, поэтому сестер Тимофеевых не разлучили – в отличие от других семей блокадников, которые часто оказывались в разных детдомах: старшие в одних, те, кто еще не учился, в других. А Тимофеевы оставались вместе. Все вместе они пережили и первую после потери мамы радость: их нашел старший брат Миша.

С фронта теперь приходили от него письма. Повариха Шуручка Баканова попросила Мишин адрес. Письма стали приходить ей тоже, и Шуручка не пропускала случая угостить чем-нибудь Веру с сестренками.

В конце войны в Долгополово приехали вербовщики из Ленинграда – пригласить молодежь на восстановление города. Вместе с деревенскими девочками уехала в ФЗУ при Балтийском заводе Дуся. Там ее нашел Миша, и они встретились с бывшим завучем детдома Маргаритой Алексеевной. Дома Тимофеевых на Ланском шоссе больше не существовало, и она взялась устроить сестер в ленинградские детдома.

Миша привез Катю и Настю, а Веру из Долгополова не отпустили, решили, что она должна окончить Ростовское педучилище, чтобы потом остаться здесь работать.

Жить в Ростове пришлось на одну стипендию. Вторая в ее жизни голодная зима кончилась тем, что Миша приехал второй раз и, несмотря на протесты наставников, увез Веру в Ленинград.

Вера окончила Ленинградское педучилище, потом Ярославский пединститут. Вышла замуж, уехала с мужем в Кременчуг, куда его вместе с производством автомобилей перевели с Ярославского автозавода. Через несколько лет они вернулись, и она 24 года проработала воспитателем в детских садах Ярославского моторного завода и по совместительству – экскурсоводом.

Удивительно, из шести детей Тимофеевых пятеро дожили до почтенной старости, а четверо живы до сих пор.

Миша, прошедший всю войну фронтовым шофером, и в мирное время до пенсии работал водителем – с пулей в позвоночнике. Умер, когда ему было за 70.

Дуся так и не рассталась со своим Балтийским заводом Электрострой. Всю жизнь строила корабли. Сейчас живет в Подмошье.

Настя – химик, окончила училище, была направлена на металлургический завод в Кириши Ленинградской области, в этом городе живет до сих пор.

Удивила всех Катя. Окончила педучилище, потом Ленинградский торговый институт. Экономист. Шесть лет назад ее дочь с мужем уехала в Америку, а с прошлого года там же и Катя. Живет под Вашингтоном, на берегу океана.

Сестры по-прежнему дружат, не пропускают случая поведаться. Вот только папу с мамой они не увидели больше никогда, нет даже фотографий – сгорели вместе с домом.

Но иногда так хочется увидеть мамину лицо!

– Расскажи, какая была наша мама? – спрашивая они тогда Галину Афанасьевну Титову, которая ребенком была с ними в одном и том же детском саду.

И она рассказывает все, что запомнила. Какого та была роста. Какой у нее был жакет «под бархат». И пуговицы – почему-то лучше всего запомнились они – красивые, старинные, казавшиеся золотыми.

Татьяна ЕГОРОВА.